

— А? Seriously? — Бай Сюнь, который как раз вел его на четвертый этаж, чтобы показать комнату, удивленно замер. Он хотел было предложить свои талисманы, но если кто-то готов отдать свои, было бы глупо отказываться.

— Да, — Танси Чэнь выудил из кармана помятую пачку талисманов и протянул ему. — Продай их.

Это были наброски, которые он делал во время тренировок. Хотя они и не отличались особой мощностью, но все же приносили хоть какую-то пользу — продать их было вполне реально. Ничего не поделаешь: все его фиолетовые талисманы ушли на призыв души.

— Это... — Бай Сюнь обернулся и, глядя на помятые бумажки, зажатые между пальцев Танси Чэня, невольно дернул щекой.

Он мог лишь порадоваться, что за гостем отправили именно его, а не кого-то другого, кто не разбирается в деле. Иначе эти бесценные листки, от которых исходил едва уловимый аромат, просто выбросили бы в мусор. В их ордене не умели создавать талисманы. Конечно, сейчас все обмениваются знаниями, но без врожденного таланта в этом деле делать нечего.

Поэтому им приходилось выменивать бумажки у других, каждый раз выслушивая в свой адрес насмешки. От одного воспоминания об этом у Бай Сюня зубы начинали ныть от злости.

Он торопливо принял талисманы обеими руками, пересчитал их и неуверенно произнес:

— Спасибо. По двести тысяч за штуку — это нормально? У меня самого столько денег нет, но я попрошу отца и других мастеров выкупить их.

Настолько чистая энергия! Этот человек действительно мастер. Обычно талисманы, которые они доставали, не проявляли никакой активности, а от этих прямо исходило легкое благоухание.

Тут даже Небесное Око открывать не нужно, чтобы понять — вещь стоящая!

— Сколько? — Танси Чэнь не поверил своим ушам.

— Ну... может, пятьсот тысяч? — Бай Сюнь проявил осторожность. В их деле все жили небогато: что ни заработают, все уходит на нужды ордена, так что больше он просто не мог предложить.

Вся их семья жила в Управлении Чжэньян, предоставленном государством, а машину ему и вовсе подарил кузен. Жизнь была, мягко говоря, не из легких.

— Нет, я же сказал: по двести тысяч, — Танси Чэнь про себя усмехнулся, что деньги

зарабатываются так легко, но виду не подал. Что ж, если снова понадобятся средства, просто нарисует еще.

— Хорошо, хорошо! Отдыхайте, если что нужно — свяжитесь со мной, — Бай Сюнь проводил его в номер, вручил мобильный телефон и, бережно прижимая к себе драгоценные талисманы, поспешил к отцу.

— Бай Сюнь.

В дверях Танси Чэнь окликнул его. Лицо юноши стало серьезным:

— Завтра не выходи из дома.

— А?! — Бай Сюнь сам был даосом, поэтому прекрасно понимал, что означают эти слова.

Он машинально коснулся пальцами точки между бровей и серьезно кивнул:

— Благодарю. Завтра я запрусь дома и ни ногой наружу.

Он не сомневался в словах гостя. Сам не зная почему, он испытывал к этому человеку необъяснимое доверие. Бай Сюнь нахмурился: неужели только потому, что он красивый?

Он что, помешан на внешности?

— Угу.

Когда Бай Сюнь ушел, Танси Чэнь повалился на диван:

— Ох... как хорошо.

Из него выскользнул Лу Янь. Черный туман коснулся щеки Танси Чэня, и он с жалостью прошептал:

— Брат, иди умойся и отдохни.

Сейчас он даже не мог сделать ему элементарный массаж.

— Угу, — Танси Чэнь пропустил пальцы сквозь черный туман. Наблюдая, как сгусток кружится вокруг его руки, он недовольно проворчал: — Какая еще Звезда одиночества? Став призраком, разве ты не должен был взорваться от обиды и уничтожить мир? Что с тобой не так?

Этот человек совсем не походил на Звезду одиночества, скорее — на несчастного бедолагу.

— Если я так сделаю, брат возненавидит меня, — туман коснулся ресниц юноши, и Танси Чэнь закрыл глаза.

Разве в нем не было ненависти? Когда он видел, как его генерал растрчивает свои Заслуги, когда видел, как всегда веселый и озорной генерал погружается в глубокое молчание — как он мог не ненавидеть?

Но мог ли он действительно уничтожить мир?

Его генерал в четырнадцать лет потерял родителей на северной границе, через год после того, как стал учеником старого мастера, не стало и его. В пятнадцать лет он уже был на поле боя, а в двадцать три продолжал защищать тех самых людей.

А что касается тех, кого следовало убить — очнувшись, он обнаружил, что брат уже со всем разобрался.

— Дурак... я бы не стал... — пробормотал Танси Чэнь, сворачиваясь калачиком на диване и окончательно проваливаясь в сон.

Лу Янь подплыл ближе и потерся о его лицо. Глядя на спящего, он подумал, что если кто и заслуживает ненависти, так это он сам.

Если бы не знакомство с ним, брат, возможно, не превратился бы из сияющего генерала в того, кто временами погружается в странное молчание.

Он отчетливо чувствовал, что Танси Чэнь изменился. Не характер, а мировоззрение.

Он не знал, хорошо это или плохо. Ведь раньше он сам жаждал, чтобы брат стал таким — перестал так сильно беспокоиться о стране и народе, перестал быть таким безгранично добрым...

Но...

Танси Чэнь проспал до самого вечера. Медленно, в полудреме, он умылся и сел на диван, пытаясь окончательно прийти в себя.

Маленький черный туман потянулся к нему и завис перед лицом:

— Брат.

— М? — Танси Чэнь машинально, спросонья, поднес его к губам и поцеловал — хотя поцеловать туман было невозможно, он все равно потерся о него щекой.

— Брат, — Лу Янь был растроган его жестом. Этот парень всегда считал себя самым крутым и редко позволял себе быть таким расслабленным и сонным.

Танси Чэнь потер лицо, окончательно проснулся, молча переоделся, взял телефон и решил выйти прогуляться и заодно перекусить.

В этот момент Лу Янь вдруг подал голос:

— Брат, тот человек вчерашний, он скоро умрет.

— А? Кто? — Танси Чэнь не сразу сообразил. — Бай Сюнь?

— Разве я не говорил ему не выходить? Ладно, схожу посмотрю. Если бы смертельное бедствие было так легко избежать, то не было бы оно смертельным.

Он на ходу вытащил талисман, высчитывая местоположение парня, и повторил:

— Если бы смертельное бедствие можно было просто обойти, мы бы с Лу Янем уже давно поженились.

— Брат...

<http://bllate.org/book/22283/2333104>